*В.В. Гринько,*
*аспирант кафедры социологии РАГС*

# СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА КАК ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Электоральное сознание и поведение прочно связаны с социально-политической системой, которая называется демократией и основными элементами которой являются гражданское общество, политические партии, электоральный (выборный) процесс, разделение властей. В настоящее время эта система, научно определяемая как «представительная демократия», является практически универсальной технологией общественного устройства, по крайней мере, в качестве формальной технологии. Ученые считают, что сегодня не менее 80% населения планеты проживает в социально-политических системах, организованных, формально или неформально, по технологии представительной демократии[1].

Особенностью демократической социально-политической системы является наличие политических элит, которым общество на выборах делегирует право представлять его интересы[2]. В феномене политических элит и заложена некая проблема для представительной демократии. С одной стороны, этот феномен – необходимая часть демократического электорального механизма. Политических элит не может быть в недемократических социально-политических системах, где отсутствует электоральный механизм их появления и где их место занимает назначаемый (монархом или диктатором) государственный аппарат. С другой стороны, политические элиты в промежутках между выборами становятся силой, реально отчуждающей власть от народа, поскольку получают право «представлять» народ и тем самым показывают суть представительной демократии как демократии «время от времени».

Эта проблема представительной демократии обыгрывается принципиальными противниками последней в том смысле, что она будто бы заведомо нечестно использует электоральный процесс – исключительно для узаконивания власти определенных групп, кланов и т. п., которым народный мандат нужен для обслуживания за счет общест-

[1] *Elazar D.J.* Federalism and the way to peace. Kingston, 1994. P. 22.
[2] См.: *Штамбук В.* Элиты в конце XX века // На рубеже веков. М., 1998. № 1. С. 34 – 42.

ва своих групповых интересов. Собственно, на такой критике «капиталистической» представительной демократии – критике политических элит, как будто бы обслуживающих интересы крупного капитала, – и возник коммунистический проект К. Маркса, предполагавший уход от механизма формирования политических элит через установление постоянно действующего режима непосредственной демократии (вместо дискретного режима «от выборов к выборам») в рамках полностью самоуправляемого общества.

Между тем полностью самоуправляемое общество – утопия, поскольку подобный проект «непрерывной» демократии отменяет выборы, предполагая, что все институты общества должны функционировать по типу домашних хозяйств, в которых никто никого не выбирает. Однако такой общественный механизм – без особой управляющей структуры (государства) – не сможет работать, и «непрерывная демократия» полного самоуправления неминуемо выльется в социальный коллапс. Поэтому электоральный процесс – неустранимый элемент реальной демократии, которая, таким образом, может быть только представительной.

«Зло» политических элит, заключающееся в том, что у них может возникнуть побуждение к «номенклатурному» закреплению своего властного статуса, перекрывается справедливостью электорального процесса, если он не имитационный: элиты приучены честными выборами к поведению на принципах сменяемости власти. В развитых демократиях выборы рассматриваются как базовая ценность, а любые нарушения их честности (установленных законом сроков проведения, требований альтернативности и максимальной представительности и т. д.) – как посягательство на конституционный строй. При этом реальный риск выбрать «не тех людей» считается гораздо меньшим злом, чем похороны демократии при ограничении под разными благовидными предлогами права людей избирать и быть избранными.

В этой связи обращает на себя внимание узаконение в Российской Федерации такой нормы электорального поведения, как голосование за «кандидата против всех». На первый взгляд, введение данной нормы кажется демократичным и оправдываемым тем соображением, что протестная часть электората вправе заявить о себе. Да и с социологической точки зрения эта мера как будто бы не должна вызывать возражений, поскольку выглядит инструментом структуризации общества по политико-ценностным ориентациям разных социальных групп, в данном случае выявления особой электоральной группы с неопределенными политико-ценностными предпочтениями – голосующей не «за», а «против». Однако если разобраться, то условный «кандидат против всех» – это внятный сигнал избирателям о

тщетности и, значит, необязательности самих выборов. Действительно, «кандидат против всех» приучает электоральное сознание к тому, что можно участвовать в выборах с тем, чтобы сказать выборам «нет».

В развитых демократиях нет и не может быть «кандидата против всех», поскольку там работает демократический механизм структурирования общества по политико-ценностным ориентациям разных социальных групп – с помощью такой формы общественной самоорганизации, как политические партии. Этот негосударственный инструмент структурирования общества лишает почвы сам феномен протестного голосования. В самом деле, политические партии как реальные представители общества «делят» между собой весь электорат, и избиратель поэтому всегда голосует «за». Принципиальные же противники социально-политической системы (именно такова сущность протестного голосования) имеют право выразить свой протест «ногами», т. е. просто не пойти на выборы. Таким образом, существование в российской электоральной практике нормы «кандидата против всех»» говорит (или может говорить) о многом: во-первых, об опасной идеологии в отношении электорального процесса – как чего-то не самого главного, такого, без чего общество может и обойтись; во-вторых, о том, что в России отсутствуют политические партии именно в качестве негосударственного инструмента структурирования общества по политико-ценностным ориентациям. Кроме того, сигнал электорату от «кандидата против всех» – свидетельство высокой доли протестного поведения в российском электорате, и это, в свою очередь, подтверждает анормальное состояние электорального процесса в России, прежде всего в отношении партийного строительства.

Политические партии, реально представляющие общество, – обязательный элемент представительной демократии, базовым принципом которой является принцип разделения властей. Этот принцип не исчерпывается разделением по классической формуле «3 + 1» на законодательную, исполнительную, судебную власти и СМИ, и вбирает в себя всю общественную систему, в том числе социально-политическую. Политические партии – это разделение властей внутри общественной самоорганизации, подобно тому, как разные ветви и уровни власти являются в представительной демократии «партиями» внутри самой власти. Многопартийность в этом широком смысле принципа разделения властей и выборность – таковы главные механизмы функционирования современной демократии, которая, таким образом, выступает реальной демократией именно в виде демократии представительной. Преимущество последней, по сравнению с любыми возможными демократическими моделями, состоит в том, что она именно в силу опоры на широко читаемый принцип раз-

деления властей (многопартийности) является не демократией большинства (по Платону, близкой к охлократии – власти толпы), не «общинной» демократией (подавляющей индивидуальное сознание групповым сознанием), но демократией ***индивида***. Принцип многопартийности как раз и призван учитывать интересы не большинства общества, но всех его групп, даже самых малочисленных, в пределе – интересы каждого индивида.

Подчеркивая современную тенденцию «многопартийной» организации общественной жизни, исследователи констатируют, что «…изменяется характер управления, которое теперь должно не только добиваться традиционного компромисса между плохо совместимыми, но одинаково важными целями, обеспечивать равновесие между разными центрами власти, но и учитывать противоречивые интересы растущего числа активных участников политических, социальных и экономических процессов... Управление не есть больше монополия правительств, а его эффект зависит от способности лидеров включать в процесс принятия решений новых субъектов, которые стали участниками и партнерами в управлении... Возникают новые правила сотрудничества и согласования интересов»[1].

Российские эксперты убеждены, что современная Россия, являясь по Конституции федеративным государством, т. е. имея конституционную обязанность укреплять «многопартийность» внутри власти не только в классических рамках «3 + 1», но и на уровне федеративных отношений власти, должна быть глубоко приверженной принципам представительной демократии, принять и развивать тенденцию «многопартийного» управления. «Исторический опыт свидетельствует, что такая гигантская страна, как Россия, может эффективно функционировать только на базе разумной децентрализации и самостоятельности (самоуправления)... Следует решительно отказаться от попыток строить новую государственность на принципах нормативного усиления центральной власти и увеличить полезность федеральных (центральных) органов власти путем создания такой системы управления, в которой федеральное правительство "служило" бы субъектам Федерации и народу... А для этого необходимо соединить прагматический подход с добровольным, равным ограничением свободы всех субъектов Федерации во имя общих интересов, делегируя центру функции, которые ему выполнять сподручнее, – к общей выгоде»[2].

---

[1] См.: *Костюк В.Н.* Ненаправленная эволюция // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник-1997 / Под ред. Д.М. Гвишиани, В.Н. Садовского и др. М., 1997. С . 175.

[2] См.: Федерализм и региональные отношения: (Опыт России и Западной Европы). М., 1999. С. 13, 15 – 16.

Как видим, российские эксперты призывают строить общественную систему на принципах в широком смысле многопартийности, что предполагает процесс партийного строительства в социально-политическом секторе общественной системы. Без полноценных политических партий не может быть ни нормального электорального процесса, ни реального разделения властей. Партии, выполняя в механизме представительной демократии важнейшую функцию структурирования общества по политико-ценностным ориентациям разных социальных групп, тем самым строят фундамент всего здания представительной демократии – гражданское общество. Насколько общество структурировано по ценностным ориентациям (предпочтениям) его групп, настолько оно является гражданским в смысле научного определения понятия «гражданское общество». Такая структурированность позволяет обществу обрести то, что можно назвать общественным мнением – отношением общества в лице его групп с разными ценностными ориентациями ко всем ключевым вопросам социальной жизни. Наука называет человека, в отличие от животного, существом *относящимся*, т. е. способным не просто отражать действительность и реагировать на стимулы, но формировать обо всем мнение, и мнение (отношение) делать мотивацией своего поведения. Точно также общество может быть толпой с реактивным поведением, но может быть и людским объединением с качеством *отношения субъекта*, возникающим из ценностного самоопределения социальных групп.

Таким образом, гражданское общество – это общественный *субъект*, с которым вынуждена считаться государственная власть, устанавливая с ним партнерские, *субъектно-субъектные* отношения. Общество в качестве субъекта выступает гарантом электорального процесса, представительной демократии в целом, поскольку заинтересовано охранять свое качество гражданского общества, достигнутое благодаря функции политических партий в электоральном механизме.

Но только ли партии могут быть инструментом ценностного самоопределения социальных групп, и нельзя ли формировать гражданское общество помимо их – вне электорального процесса и в целом социально-политического механизма представительной демократии?

Понятие гражданского общества впервые появилось в XVII в. в трудах ранних философов-просветителей Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка. Далее оно разрабатывалось Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескьё, Д. Вико. Социально-политическая реальность гражданского общества возникла одновременно с реальностью качественно новой – индустриально-рыночной – экономики, начавшей складываться в Западной

Европе в XVII – XVIII вв. Такое «совпадение» наводит на мысль, что гражданское общество шире своего социально-политического механизма, являясь общественной системой, основанной не только на политической (представительной), но и экономической демократии, так что одна демократия без другой невозможна.

Утверждение, что гражданское общество не бывает иным, как только представительной демократией «западного» типа (не только политической, но и экономической), вызывает вопрос: возможен ли плюрализм «гражданских обществ» независимо от той или иной модели экономики. Ответом могла бы послужить попытка О.В. Хархордина построить «российскую» модель гражданского общества с опорой на устойчивую отечественную традицию «теневой общественной самоорганизации», имевшей место даже в самые жесткие периоды государственной деспотии. Однако показательно, что сам автор проекта приходит к выводу о его идеалистичности. Действительно, «теневая общественная самоорганизация» в СССР носила практически исключительно характер теневой (подпольной) экономики. Это означает, что отечественный «теневой» опыт гражданского общества был «теневым» опытом рыночной экономики, т. е. демонстрацией отношений экономической демократии как основы гражданского общества. Кроме того, «теневая общественная самоорганизация» не может считаться «национальной» моделью гражданского общества, поскольку она «теневая», отвечающая не национальной культуре, а политическим условиям, вытесняющим общественную самоорганизацию в «тень»[1].

Об универсальности «западной» модели гражданского общества (как единства представительной и экономической демократии) свидетельствуют и определения гражданского общества в российской науке. Обобщение их рисует гражданское общество именно как общественную систему (единство политической и экономической систем), которая характеризуется следующими качествами:

1) это индустриальное общество, вырастающее на базе крупной промышленности и развитой сферы научно-технического обеспечения производства, в отличие от традиционных обществ, представляющих собой общественные уклады аграрного типа;

2) в экономическом отношении гражданское общество – это рынок, где значительное место занимает частный сектор, позволяющий более гибко и эффективно применять новейшие технологии производства с целью получения максимальной прибыли и удовлетворения запросов потребителей;

---

[1] См.: *Хархордин О.В.* «Проект Достоевского» // Pro et Contra. Т. 2. № 4. 1997. С. 38 – 59.

3) в политическом отношении гражданское общество есть демократическая система, которая обеспечивается посредством механизмов разделения властей, всеобщих и равных выборов, примата права, местного самоуправления, а ядром его политической организации выступает многопартийная система, обеспечивающая представительство всех его основных классов и слоев в структуре государственной власти;

4) с точки зрения социальной структуры, гражданское общество представляет собой сложно дифференцированную (многосоставную) и стратифицированную систему, социальной базой которой считаются средние классы, или слои, чьи устойчивое положение и образ жизни создают предпосылки для стабильного существования всего общества;

5) в духовно-идеологическом плане гражданское общество – открытое и светское, отличающееся плюрализмом мнений и идей, толерантностью, критическим отношением к действительности, рационализмом и гуманизмом;

6) комплекс особенностей гражданского общества типичен для большинства развитых стран современной цивилизации[1].

Обратим внимание на пункт 3 этого развернутого определения гражданского общества, подчеркивающий, что «ядром политической организации такого общества выступает многопартийная система, обеспечивающая представительство всех его основных классов и слоев в структуре государственной власти». Таким образом, наука констатирует, что политические партии (политические элиты) являются не просто необходимым, но ключевым элементом гражданского общества, поскольку не существует иного инструмента самоопределения общества в качестве *субъекта* (общественного сознания, общественного мнения). На политических партиях лежит функция подготовки общества к роли *партнера* государственной власти, а также роли *электората* и устойчивого воспроизведения этих ролей. Без политических партий, которые реально помогают ценностному самоопределению разных общественных групп, электоральный процесс вырождается в чистую имитацию – политтехнологическое манипулирование неструктурированным общественным большинством.

Неструктурированное общество является, в сущности, толпой, в которой у каждого индивида в отдельности есть сознание, отношение, мнение, но у «всех вместе» это субъектное качество отсутствует из-за отсутствия самоопределившихся по ценностным ориентациям групп. Если таких групп нет, то не существует и основы для общест-

[1] См.: *Резник Ю.М.* Гражданское общество как объект социологического познания // Вестн. МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1995. № 2. С. 36 – 37.

венного согласия, достигаемого не между индивидами, но между групповыми *субъектами* общества.

В отличие от индивидов, групповые субъекты общества способны предъявить друг другу ценностные позиции, очищенные от индивидуальной субъективности, проявленные как типичные в обществе, а потому и представляющие собой реальную основу для достижения общественного компромисса. Политические партии как раз и призваны размежевать общество ради достижения общественного согласия как компромисса между общественными группами. Без партийного строительства либо при его имитации общество оказывается в опасном состоянии «атомизации», легко переходящем в состояние толпы и прямо противоположном состоянию гражданского общества.

Таким образом, гражданское общество – это целостная социально-экономическая и социально-политическая система. Ее составляют взаимосвязанные социально-экономическая и социально-политическая подсистемы. Социально-политическая подсистема представляет собой многомерную реальность, базовые элементы которой – электоральное самоопределение общества и партийное строительство – в единстве друг с другом обеспечивают процесс достижения обществом *гражданского* состояния *субъекта*. Российская наука выделяет социально-политическую подсистему гражданского общества, подчеркивая важность его электоральной (общественной самоорганизации) характеристики:

– «гражданское общество – совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать, общество автономных индивидов и автономных социальных субъектов»[1];

– гражданское общество – это «социально-политический рынок»[2];

– ключевым принципом гражданского общества является «реципрок-ность» – взаимность в признании прав и исполнении обязательств со стороны не только граждан, но и властей, при этом модели реципрокности сопоставимы с предписаниями общественной морали[3];

– «гражданское общество – это состояние самодеятельного (самоорга-низующегося) общества, которое может быть понято и как стадия развития общества от неструктурированного и пассивного к

[1] *Дилигенский Г.Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 5.

[2] *Зубов А.Б.* Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 36.

[3] См.: *Хлопин А.Д.* Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Там же. С. 60.

демократическому гражданскому состоянию через самоорганизацию»[1];

– «гражданское общество – совокупность горизонтальных этических и экономических связей, не опосредованных государством»[2].

Обобщая, выделим следующие взаимозависимые элементы гражданского общества: 1) общественную самоорганизацию как стратификацию на социальные группы, осуществляемую самодеятельно, «снизу»; 2) договорные (партнерские, субъектно-субъектные) отношения между самоорганизованным обществом и государством.

Механизмом же реализации как 1, так и 2 выступает партийное строительство, с одной стороны, развивающее процесс электорального самоопределения общества, с другой – налаживающее партнерские (субъектно-субъектные) отношения между обществом и государством.

[1] *Басина Е.З.* Кривое зеркало Европы // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 92.

[2] *Леденева А.В.* Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? // Там же. С. 113.